

Внуку Михаилу

*«..Будь милосерден. Царств не требуй.
Всем благодарно дорожи.
Молись – безоблачному небу
и василькам в волнистой ржи.*

*Не презирая грёз бывалых,
старайся лучшие создать.
У птиц, у трепетных и малых,
учись, учись благословлять!»*
Владимир Набоков

ОЗЕРО ЛУЧЕЙ

(краткая повесть)

...Дивный храм – божьим по сути предназначения нареченный. Двери настежь раскрыты, слышится благовест, звон его дрожа витает под сводами; из-за притвора в лилейном песнопении трепещут старушечьи голоса.

Весь причт в сборе: седовласый, осанистый священник, сторбленный дьякон, еще кто-то и псаломщик.

Посреди храма стоит аналой *. Рядом с ним – Вениамин Петрович, по другую сторону – девушка в белом торжественном платье, с фатой. Вениамин Петрович неотрывно смотрит вперед себя - на панагию **, висящую на рясе священника, и лица девушки не видит,

Жилистая ладонь отстегивает панагию и устанавливает на аналой. Звучит голос, машут кадилом, и Вениамин Петрович морщится. Он чувствует, нежели чем видит, как к нему протянулась чья-то рука и машинально хватается за нее. Им руководят и медленно обводят вокруг анаоля.

Вениамин Петрович спотыкается, падая хватается за порхающее кадило, и все – отец божий, девушка и он – грохаются на пол, свернув аналой.

Злобно хихикает дьякон, упавшие быстро встают. Батюшка сердит, девушка раздражена, Вениамин Петрович смущен своей неловкостью.

Батюшка продолжает литургию и машет кадилом перед носом Вениамина Петровича. Что-то зависает над его головой и он испугавшись оглядывается: сзади один дьякон с сердитыми губами.

- Целуй крест, - сквозь зубы прошипел дьякон и замахнулся на Вениамина Петровича ногой. Крест целуется ошарашенным Вениамином Петровичем.

* – высокий, вытянутый вверх четырехгранный столик с пологой доской для удобства читать стоя богослужебные книги (греч. «подставка под книгу»)

** - небольшой образ Богородицы, чаще округлой формы, носимый архиереями на груди (греч. «Всесвятая»)

Они стоят у алтаря пред престолом, батюшка обрядствует и протяжно голосит обращаясь к Вениамину Петровичу:

- Причастися, сын мой.

Сзади тут же злорадно шипит дьякон:

- Не по уставу, батюшка, литургуешь: антиминос * забыл внести, а причащаешь не освященным-то. Службник сызнова почитай, мать нашу..

Батюшка хватается за голову и в неуклюжей походке путаясь в длиннополой рясе спешит за притвор. Оттуда появляется неся большой сверток в шелковом платке, из которого вдруг вываливается что-то подобное мощам. Батюшка одной рукой сноровисто крестясь другой подбирая это «что-то», кладет на престол и наскоро освящает вино.

Дьякон ядовито ухмыляется, и крест в руках у батюшки начинает дрожать.

- Евхаристуйтесь, дети мои, - дрогнувшим голосом говорит отец божий, одним глазом опасно кося в сторону дьякона - тот хищно скалится.

Девушка причащается и Вениамин Петрович видит ее профиль. «Красив..», - отмечает он и любопытствует про анфас. Причащаясь он украдкой глядит на него, и кусок застревает в горле: до чего же хорош!! Ему хочется вплоть до тела разглядеть девушку, но до сознания начинает доходить смысл изрекаемого попом.

Поп называет Вениамина Петровича прозелитом**, говорит про грехи, за которые надобно ответить богоугодными деяниями. Дьякон хрустя пальцами и хитровато сузив глаза поддакивает попу. Воодушевленный поп убежденно ораторствует далее:

-... и за мысли, за чаяния твои что греху подобны воля божия моими устами к тебе внемлет. И налагается на тебя, отрок божий, епитимья постом успения; а в разе сим после таинства бракосочетания да воздержись ты от общения супружеского.. Волей божию и милостию его всяотеческой паломником в Фатиму тебя направляю. Поклонись месту сему святому, зацелуй землю, прародительницу сына божьего нам явившую лицеизреть...

Вениамин Петрович внимательно всматривается в очаровательную девушку. В отчаянье он что-то мямлит про сочетание и законную ночь, пытается выразить свое несогласие. Дьякон незамедлительно отвечает лягнув Вениамина Петровича в больное место, и он смиренно замолкает. Девушка в белом ободряюще улыбается и Вениамин Петрович приосанивается.

- ...Не токмо грехоунижения ради, но и укрощения плоти для прими же, отрок божий, священные вериги, - глухо пробасил поп, и чугунные узы были ловко пристегнуты воркующим дьяконом к запястьям прозелита. Под тяжестью вериг сразу потеряв осанку он затравленно глянул на девушку. Та с тактичной ухмылкой отвела глаза в сторону.

Поп продолжал и обнося Вениамина Петровича крестом напутствовал:

- Гони же прочь дух лукавого Вельзевула, и жена твоя святотатству не предастся.. и снизойдет на нас благодать, и сам арха-а-нгил Гавриил возвестит о рождении женой твоей непорочного дитяти, и будет нам Благовест, и воздастся в разговенье ...

Вениамин Петрович почувствовал, что его ущипнули за бок и услышал как дьякон сквозь тишайший смешок прошептал ему на ухо:

- Целу-у-й крест, Ве-еня...

Вениамин Петрович пытается губами дотянуться до креста, но не может распрямиться: мешают вериги. Под их тяжестью Вениамин Петрович никнет все ниже и ниже, и не видит как под одобрительные кивки дьякона поп заносит возвеличенный в размере крест над его головой и распятием вниз резко опускает.

Падая Вениамин Петрович слышит злорадный смех и отзвук удалявшегося благовеста, видит еще расписной свод храма и лукавые глаза девушки в белом платье и...-

* – символ плащаницы, обязательная часть престола при литургии (греч. анти – «вместо», лат. mensa – «стол»)..

** - обращенный из одной веры в другую (от греч. «проселитос» — пришедший, новообращенный)

встревоженно просыпается.

Некоторое время он испуганно рассматривает запястья рук, поднеся ладони к лицу шевелит желтоватыми, костлявыми пальцами, ощупывает голову. Иссохшие губы начинают вяло кривиться в жалкой улыбке облегчения: приятно, что ночной кошмар не продолжится явью. Пусть и являл он собой некий образ собственной жизни, трудно узнаваемый запах из аромата прошлого.

Сон канул прочь, но руки по-прежнему ныли, верижная тяжесть в груди не спадала . «Должно быть, - к несчастью,» - думает Вениамин Петрович и поворачивается на другой бок.

Недовольно мяукнув с кровати прыгнул кот. Усевшись на коврик он сверкнул единственным глазом на человека, и поочередно, квелыми потугами шершавого языка стал облизывать лапы.

Вениамин Петрович знал, что снова уже не уснуть. Лишь прикрывались глаза как за веками появлялись верижные цепи, белая фата, хиханьки соборного притча, или молчаливая толпа ожидающих людей, поочередно выдыхающих пар в промерзшем здании вокзала..

Не сетуя, давно смирившись с короткими, почти одинаковыми снами, Вениамин Петрович сел на кровати, сунул ноги в шлепанцы и в полудреме устался на одноглазого кота. Потянулся к нему желая потрепать того за ухом, но кот уловив это намерение человека растопыренными когтями, с молниеносной оттяжки, ударил по протянутой к нему ладони. От резкого взмаха черная повязка, прикрывавшая впядинку отсутствовавшего у кота глаза, чуть слезла. Кот сердито урча и подергивая хвостом прошествовал к приоткрытому окну, запрыгнул на подоконник и попытался поправить повязку. От неудачи вернуть ее на прежнее место кот раздраженно вздернув головой отшвырнул повязку прочь, потер заросшую глазницу и статно усевшись стал всматриваться за околицу дома...

* * *

Этот старенький, ладно срубленный дом с резными наличниками на окнах Вениамин Петрович купил в Хараузовке выйдя на пенсию. Здесь, вблизи озера с сияющей водой (таким это озеро представлялось ему), он решил доживать отведенный ему срок.

Одноглазый кот, к тому времени ставший спутником одинокого человека, охотно приютился на новом месте. Здесь все нравилось коту: сама избушка, притулившаяся под лесистой сопкой в конце деревни, возможность порыбачить на излучине чистой речки, стремившейся в великолепное озеро, попискивание мышей по ночам, и то, что исключительно редкий гость привлекал своим посещением обиталище кота.

Кот не любил людей, избегал встреч, вынужденный мириться с их близким существованием всегда был с наготове с ними

А когда-то был он таким же как все: перекатывался с боку на бок, игриво валяясь на спине покатывал лапками клубки шерсти, гонялся за кошачьими дразнилками и щурился зелеными глазами с удовольствием потягивался, урчал, когда ему почесывали под подбородком или за ухом, самодовольно терся о людские ноги, сладко мурлыкал.

Но однажды один симпатичный и веселый малыш привязал к его хвосту веревку с тремя консервными банками. Доверчивый кот, не знавший неприятных игр, был не против. Вот только потом веселый малыш науськал на него злющего пса.

Фантастически испугавшись кот рванул прочь. Убегал он быстро и долго, но все никак не мог убежать. Пес давно уже сидел на цепи, а кот в ужасе выпучив глаза все еще бежал. Не разбирая дороги, потеряв ориентацию кот носился по улице и задворкам, и слышал только страшное трень-бреньканье банок позади себя да хохот довольного малыша. Наконец, налетев на какую-то жердину и оставив на ней свой глаз, проткнутый и выданный на бегу, кот свалился

в изнеможении. Судорожно , всем телом вздрагивая от яблочно-кровоавой, рваной боли и заселившегося в ушах мерзко звенящего людского смеха кот долго лежал в грязи, и уже не зрел другую половину света.

И когда чьи-то добрые руки стали отвязывать банки обезображенный кот впервые оцетинился, зашипел и агрессивно замахнулся пораненной лапой. С тех самых пор кот забыл прежние милые забавы и невзлюбил людей так, как на это только способно одомашненное и заниженное существо.

Возможно, тот навязанный коту опыт принудил его к логичному выводу: если веселый маленький человечек играет в такие нелепые игры, то какова будет игра большого веселого человека? А при мысли что есть еще и угрюмые людишки у кота жутко рябило в глазах. Кот не привечал людей, был несказанно подозрителен к ним; и звали его - Мизантроп.

Глядя на кота Вениамин Петрович вспомнил как нашел его.

В устоявшейся непогоде ливень тяжелыми струями вонзался в землю, мял ее в грязном месиве, заливал низины и канавы. Вениамин Петрович прячась под зонтом подходил к дому, когда заметил в подворотне дрожащего, дождем зализанного, уродливого кота. По всему было видно: кот был так болен, что не смог добрести до укромного убежища. Вениамин Петрович нагнулся, повозившись взял кота на руки и понес домой. Кот позволил себя взять: он не мог достойно сопротивляться.

Вениамин Петрович выходил кота. Оправившись от травм кот остался, и скоро свыкся с молчаливым человеком, который казалось ничего дурного не замышлял. Однако, Мизантроп всегда был настороже , полагая, что забава этого человека еще предстоит...

Вениамин Петрович вздохнув поднялся с кровати, подошел к комоду и заглянул в зеркало. Оттуда на него уставилось изможденное морщинами, печальное лицо начавшего дряхлеть человека; скрытая жизненная энергия угадывалась на нем только в глубоко посаженных голубых глазах : они были такими же, как и много лет назад.

«Старый паршивый кот», - усмехнулся Вениамин Петрович и задумался. Лицо в зеркале расплылось , и перед глазами явными образами замельтешили воспоминания из уходящей жизни.

...Длинноносые крохали оголтело шлепают крыльями по воде, ускоряя виляющее хвостом тело что есть мочи гребут от берега. Вот-вот они, кажется, оторвутся от воды, полурозрозненной стайкой взлетят и помахав хохолками стремительно умчат в небосвод. Но почему-то медлят, и доверившись вожаку, вытянув клювы все дальше и дальше удаляются от лохматого мальчугана, печально-завидующим взглядом провожающего их за кромку озерной глади.

Навсегда запомнил Вениамин тот крылатый бег уток по воде. И сейчас, когда минуло столько лет, снова видел он ту картину, и ему думалось, что жизнь его, как та самая оголтелая стая крохалей, так же внезапно ускользает. А он, стоя уже на другом берегу, не смея задержать ее бег или броситься вдогонку и повернуть ее вспять, пристально созерцает ее последние штрихи, понимая что останется от нее лишь стелющийся по воде зыбкий след , который через мгновение захлестнет набежавшая вода..

Вздрагивающая зыбь расплывалась по воде кругами, и зеркалом призрачно отражала жизненные вехи.

...Маленький Веня. Революция. Задворно-вокзальная Россия начала двадцатых. Паперть церкви, подачки (на миг зеркало выявило голодные слезливые глаза); рыночная толчея и торгаш, выкручивающий детскую руку с зажатым в ней кренделем. Бездомные ночи, старая лодка, милиционер и куча одинаковых, коротко подстриженных малышей в большом доме с колоннами, санитарная обработка...

В тяжбе с худой жизнью мальчуган не потерялся, не забыл имя свое и фамилию. Не помня лиц родителей своих знал что когда-то жил в красивом доме, где была прислуга, помнил блестящую форму отца, вкус шоколадных плиток, синее море.... Помнил как в детдом приезжал с гостинцами странный, постоянно оглядывающийся человек, назвавшийся дядей Борей. Он обещал забрать Вениамина с собой, но куда-то надолго исчез, лишь после смерти напомнив о себе завещанием, из-за границы.

Вениамин Петрович отвел глаза от зеркала и пошарив рукой по комоду отыскал пачку «беломора». Он не курил, но с войны осталась привычка держать в зубах незажжённую папиросу.

Войну он прошел санитаром. Два первых года был на передовой вытаскивая раненых с поля боя; сам был ранен и уже после контузии служил в прифронтовом госпитале, в отделении для тяжелораненых. Познал ту душевно-щемящую боль, которую испытывает человек, постоянно видящий и слышащий муки и стоны израненных людей. За всю войну так и не научился Вениамин Петрович спокойно, профессионально взирать на лишенных телесной полноценности солдат. И как мог старался облегчить им страдания: читал стихи, крутил ручку граммофона, писал письма родным, всегда носил с собой пачку папирос или махорку, и закурив одну сигарку подносил к губам немощного солдата, ждал когда тот накурится, спешил к другому..

Так и осталась война в памяти Вениамина Петровича рваной раной, в образе пропахшего дымом и слезами госпиталя, переполненного стонущими, кричащими, обезноженными, отрешенно умирающими людьми..

Мусоля во рту папиросный мундштук старый человек смотрел сквозь манящее стекло. И глаза его снова встретились с непонятными в тот день глазами Зинаиды, зазвучали те слова ее, разом перечеркнувшие всю его жизнь.

Если б только можно было повернуть вспять ход того времени! Он бы тогда не позволил ей уйти, и все могло быть по-другому: у него была бы семья, любящие друг друга отец и сын, его сын! «Да, да – мой сын !» - вскричала душа Вениамина Петровича.

- Может еще думаешь, что ты – родной отец Вадику?! Так не обольщайся, не от тебя он! – истерически прокричала она тогда и осеклась.

А его словно парализовало. Потом он сильно ударил ее по лицу, и больше не мог смотреть на нее, также -как и на сына, которого очень любил, но в ком вдруг увидел грядущий ему обман.

Он не сдерживал Зинаиду когда она уходила. Стоял и бессмысленно смотрел в окно, сбиваясь с бессознательного подсчета кормившихся во дворе голубей. Маленький Вадюша дергая папу за штаны лопотал:

- Пап, а ты скорей к нам приезжай на море, я буду очень ждать, - ты же мой любимый папа. Ты приедешь, и мы снова будем пускать кораблики. Пап, а с нами едет дядя Коля. Мама говорит, что он – мой новый папа. Пап, а разве так бывает, чтобы у одного малыша было два папы, а ? Пап, а я скажу папе-дяде Коле, что Сереже Глебову нужен папа, у него ни одного нет. Но когда у него было две пищалки, он одну отдал мне. Вот и я отдам ему одного папу- дядю Колю. Сережа же обрадуется, да? Ну, скажи, пап, он же обрадуется?!

Они уехали . Оставшись один в полупустой квартире Вениамин Петрович долго сидел на стуле в углу, никак не мог или не хотел осознать, что , вот, он уже один, не зная что так будет всегда.

Три дня он отрешенно толкался в людских потоках, а потом горько запил. И проворонил жизнь, быстро потерявшую ясность, память, все желания кроме трех: бухнуть, забыться , похмелиться. И в болезненной страсти своем скоро стал забывать Вениамин про красивую форму отца, военный госпиталь, Вадюшу, бег длинноносых крохалей по воде..

«И околел бы где-нибудь, как пес негожий, да, спасибо добрым людям – не позволили..» - просто и откровенно подумал Вениамин Петрович, и внимательней взгляделся в

зеркальное пространство. Однако, оно замолчало, будто было нечего более отражать, кроме как подернутое тягучим страданием, наскучившее лицо с застывшим на нем выражением ошарашенного удивления.

В левой груди привычно заломило, чуть тяжелее и просторнее чем обычно, появилась одышка, и Вениамин Петрович, медленно подобравшись к кровати, прилег. Хотел было принять пару таблеток, но передумал и прикрыв глаза затаился от внезапного возникшего панически холодящего страха...

* * *

«...Люди... - организованная толпа в тулупах. Стоят в стеклянном, вокзальном здании, над которым возвышается смотровая вышка. Сквозь стекло терминала ничего не видно: от холода оно заросло снежно-морозным мхом.

Людей так много, что выше среднего роста тепло: люди часто дышат (в каком-то командном, но беззвучном режиме). Дышат и все время смотрят на электронный таблоид, кажущий не сменяемые цифры.

Ниже пояса среднего роста холодно: внизу не дышат. Вернее, только один дышит. Правда, дышит ниже коленок детского роста, не согревая ни себя ни стоящие рядом ноги средне взрослого роста.

Вот если б все легли и дышали, то... Ан, нет, тогда сверху, выше головы нормального роста, станет холодно.. И таблоид может насквозь промерзнуть: вдруг глюкнется и цифири поменяет?! А этого никак нельзя: не стандарт.. И люди неотрывно смотрят, организованно выдыхая пар изо ртов продолжают чего-то ждать..

А тот, кто дышит ниже коленок детского роста, не смотрит, а значит и не ждет. Хотя, все-таки, ждал еще недавно. Но со временем притомился глазеть да и напился – не чаю, однако. Пьян ли спит? Вот голова его соскользнула с рюкзака и поехала вниз, - бум! об каменный пол звучно так ударилась..

Ноги ожидающих людей топчутся, надетая обувь- в отличие от выдыхаемого ими пара- поскрипывает вразнобой: ноги не ждут. А тот, кто ударился, не топчется, но и не мерзнет, и дышит уже ниже щиколотки детского роста.

Люди его не поднимают: не замечают совсем, потому как низко дышит. Ну а заметят если – то поднимут, конечно. Но поддерживать не станут, ведь надо наблюдая ждать .. Да и не заметен он им: глаза – вверх, теплый пар изо ртов – туда же.

Что?! Милиция? Да вот она – рядом здесь. Непременно подняла бы, ведь негоже так, не по-социалистически, лежать на холодном полу, в то время как все стоят, ждут и пар организованно выдыхают. Подняла бы и увезла.. В теплое место, где и дышать не надо - и так разберутся почему не так дышит. Увезла бы. Но не идет милиция, никого не забирает- так себе околачивается . Люди же чинно ожидают, мирно и послушно. А пьяниц таких не видать вовсе, не разберешь из-за ног кто там ниже их, у плинтуса, не так дышит, но не мерзнет. Спит пьян?...»

«Пока еще здесь, не там...», - открыв глаза подумал Вениамин Петрович, вздохнул и тихо процитировал: «..мы только шорох в старых парках,...мы живем в очарованья пятен ярких, в чередованья звуковом..».

Потерев ладонью болезненное место в сердечной части старик примостился полулежа и стал смотреть в окно – на ветви сирени, которая покачивалась на фоне заоконной луны, похожей в эту ночь на древний грош с полустертymi рельефами.

Кот, каким-то образом вернувший свою повязку на место, над глазничной нишей, вдруг повел ушами, махнул хвостом и насторожился.

Скрипнула калитка, и Вениамин Петрович различил в темноте силуэт человека. «Михейчик.. – догадался он, - Опять ему не спится: видно не дает ему покоя волчица.»

Кот спрыгнул с подоконника и направился к печке, своему излюбленному месту наблюдения. Вениамин Петрович встал встретить незваного.

Поздоровались. Михейчик не снимая дождевика уселся на табурет, почти напротив уже настороженного кота. От неловкости своего позднего визита комкая в руках старую кепку пробурчал:

- Вось, на святло зайшел...- и помолчав немного добавил, пряча глаза, - не спіцца чой-то сёння ..

«Конечно, тебе уж с недельку как шибко не спится,»- подумал хозяин, но вслух ничего не сказал, а лишь усмехнулся.

Про Михейчика разное говорили. В Хараузовке он появился в самом начале шестидесятых, отбыв недалеко от здешних мест срок и выпущенный по амнистии. Наказан же он был за пособничество гитлеровцам в Белоруссии: был при них шибко исправным старостой.

Потому и не вернулся в свои Боровичи, знал, что не забудут ему односельчане вины его, не простят. Вот и поселился Михейчик в далекой от родины сибирской деревушке.

Знал Вениамин Петрович про темное прошлое соседа; знал и то, почему не спалось тому в последнее время.

Впрочем, Михейчику и без того было неуютно по ночам. Пусть, и не собрал бы он тогда в мешок тех злополучных волчат и не унес в заготконтору – все равно, вряд ли, смог бы спокойно спать: память-то под старость человеку частенько покоя не дает. Или совесть. Преследуют его, являются и вновь и в ночь из бездонных тайничков видения прошлого, будоражат душу, гнетут не давая передыху. И потому сон- уже не сон, а лишь так себе – ночное времяпровождение.

Через приоткрытое окно с улицы проник ветерок, занавески на окне всколыхнулись, затрепетали, в комнату прокрался глухой отголосок протяжного звериного стога. Руки у Михейчика задрожали.

«Шалят нервишки-то», - отметил про себя Вениамин Петрович. Ему вдруг захотелось сказать Михейчику что-нибудь непонятное этакое, что неприятно досадит, чтоб пуще мучался тот от бессонницы. Не сдержавшись, он до нелепости таинственно изрек:

- К тебе она приходит, Михейчик, слышь, - к тебе; ждет, когда ты ей ответствовать будешь..

Лицо Михейчика передернулось, в глазах шевельнулся глубокий ужас. Однако, в следующее мгновение в них заселилась злоба и они так яростно сверкнули на законную темень, что кот вздрогнул, открыл глаз и сердито заурчал.

Михейчик медленно поднялся с табурета. Лицо его сморщилось в причудливой гримасе, и уже спокойно он сказал:

- Ничога, небось трохи застацца. Я ёй адкажу дуюе скоро..

Он шагнул было к выходу, но замер, и вдруг развернувшись кряхтя нагнулся и решительно потянулся к коту. Не ожидавший этого кот поначалу оторопел, но тут же, спохватившись, проворно шлепнул когтями по протянутой руке человека. Михейчик лихо чертыхнулся, выпрямившись секунду-другую еще поглазел на кота, хмыкнул и повернулся к двери. Взялся за дверную ручку и влоборота скосив голову в сторону хозяина озлобленно изрек на прощание:

- Хай так, я-та па заслугах крыж свой нясу. Но, хоць бы, недруги маю, а то- веселей. А у тэбе што? Ни сябра ни ворага, нікога акрома гэтой дзикашары. Ты чаму мучыцца, а? Може, у тебе жицьё лепшее? А усё туды ж, язвы ты боже ..

Хлопнула дверь. «Однако убьет волчицу,- взволнованно подумал Вениамин Петрович, – Получит еще денжат, да только спать спокойнее не будет: сниться и она ему будет, и жизнь его никудышняя..».

В нутро Вениамина Петровича закралось веселенькое злорадство и подмигнув коту он без грамма человеческого акцента мяукнул. Кот никоим образом не отреагировал на эту имитацию и, так же развалившись, лежал у печки, вяло пошлепывая хвостом по полу.

Приступ пошлой веселости быстро прошел. Вениамин Петрович вздохнул и вспомнил не давешние слова Михейчика. «А кудышняя жизнь-то твоя?» И перед глазами единым расплывчатым образом предстали пропащие, в беспамятстве проведенные долгие годы. Стало трудно дышать, на лоб выкатились капельки холодного пота.

«Где же Вадик сейчас? Какой он, помнит ли меня?!». Самовольно из груди вырвался надрывный гортанный звук. Глаза обильно застила влага, из них выползли и западали на пол крупные слезы. Никем не стесненный Вениамин Петрович плакал навзрыд, не пытаясь сдержаться.

Кот резко вскочил, подбежал к Вениамину Петровичу и лизнул окропленный слезами пол: слезы были такими же – обычно солоноватыми. Кот сел и стал удивленно смотреть на человека. Тело Вениамина Петровича вздрагивало, покачивалось из сторону в сторону, сквозь слезы он невидящим взором уперся в кота, и все кивал и кивал головой.

Кот положил лапу на ногу человека и стал скрести по ней; остро овальный зрачок его глаза то расширялся, то сужался: кот пристально разглядывал человека словно впервые лицезрел.

До слуха Вениамина Петровича донеслось мурлыканье и он ощутил шероховатые прикосновения кошачьей головы. Кот мурлыча так усердно терся о ногу человека, что повязка снова сдвинулась за ухо.

Вениамин Петрович замер пораженный: Мизантроп впервые проявил к нему участие. Он схватил кота в охапку, прижал к груди и зарыдал, этак - прямо по-старушечьи плаксиво запричитал, словно поскуливал; целовал очумелого кота, еще крепче – до кошачьего шипения – прижимал его к груди, продолжал гладить. А кот в неловкости своего положения пытался увиливать головой и поправить повязку.

- Милый ты мой, мизантропушка, хороший, - шептал Вениамин Петрович, и уже не плакал, а только уродливо морщил лицо...

* * *

Обломленная одиноким порывом ветра ветка брякнулась об стекло и с пригоршню темных ягод черемухи бросившись в комнату рассыпалась по полу. Куда-то вдаль, подхваченный ветерком унесся тоской изнывающий вой; призрак его витал в воздухе поухивающим подголоском.

Вениамин Петрович отпустил кота, устало волоча ноги доплелся до кровати и бухнувшись в постель на некоторое время забылся.

Кот облизал помусоленные места, передернул головой, мельком взглянув на неподвижно лежащего человека запрыгнул на подоконник, свернулся там калачиком и прикрыв глаз заводил ушами.

Изменчивый ветер, лихо взыграв, уже успокаивался. Его недавние порывистые сполохи словно убаюкались монотонным эхом стеноящего волчьего воя, стелющимся по земле и расползающимся вдоль пади. Такое эхо не нарушало наступившей тишины ночного подлунья; его отзвук был так же покоен как мерцанье звезд, как мнимый шорох легких трав, как незыблемая стоячая вода.

И в этом мире внезапной сонмы стало слышно как под ногами кравшегося горбатого человека прогибались подгнившие ветки, как ропотно постанывал нежный ягель. Человеку стало страшно: она услышит его прежде чем он скрадет ее.

А она уже волновалась. Вскакивала, снова садилась, и коротко взвывая кликала его; что-то предвосхитив нервно вздрагивала, приносиваясь водила мордой. Ждала.

Человек теперь старался ступать не опрометчиво, медленно ступая уклонялся от цепляющихся веток. Он шел навстречу голосу-кликуну, шел верно. Мозг человека, удрученный одной неотступной мыслью, напрягался до неистовства, тело взмокло и знобило. Ладони человека онемели от яростного стискивания ружейного цевья и приклада, руки отекали, и человек ощущал только один палец, прижатый сразу к обоим взведенным куркам. Дуло ружья водило из стороны в сторону: человека лихорадило от тишины, и он боялся ее бессонного голоса.

Но бессмысленно стрелять в эхо. И человек управляемый инстинктом животного поиска шел не наугад, а будто звериным чутьем ощущая ее близость нащупывал путь, скрадывал. Ужас сковывал его сердце при мысли, что она может не только почувствовала его приближение, но уже и следит за ним. Страх заставлял упрямо идти вперед: повернуться к ней спиной было намного страшнее.

Неожиданно, из-за ближних деревьев вырвался глухой хрип: она была совсем рядом; она подзывала его. Нервы человека не выдержали и с истошным криком он бросился ей навстречу.

Быстро оставив позади себя сумрачное эхо человек выскочил на открытый взгорок и преодолев инерцию тела остановился. Зрачки глаз его расширились до яблоняного безумия: она сидела в прыжке от него, и неотрывно глядела. Дуло ружья инстинктивным движением повело на ее грудь.

Волчица пригнулась для прыжка, но что-то в выражении ее глаз вдруг переменялось, и тело, всеми мышцами уже собранное для прыжка, дало слабину и сникло. Она дернула лапой, крутанула шеей, приоткрыла пасть и появившийся длинный язык до крови стиснулся подобранными резцами; обнажились клыки. Она не двигалась более, а только зорко всматривалась в него сковывающими рассудок алыми глазами.

«Шо гэта? Чаму, чаму яна не скача?!»- Помутневшими глазами, не в силах сопротивляться он впитывал в себя ее проникновенный взгляд.

Скоро глаза ее стали расплываться постепенно растворяясь в темно блёклом пространстве. Призрачная ночь укоризненным взором ощупывала человека...

* * *

А рядом, на пустой деревенской улице, за крепкими стенами домов томились чудными снами люди. Замкнув веки они угрюмо спали и скука ухмылялась на их печальных губах; поскуливал пес и слюнявил схомутавшую его кожу; кемарил под навесом сытый петух, высидываясь ворошились в сене хохлатки и ворчливо роптали «кто-куд-да..куд..да»; на обочине дороги валялись выцветшие мячики, сдавленные жестянки; втопанная в грязь кукла тянула обглоданную руку к небу и не моргающим глазиком косила в сторону, на хмурый дом с закрытыми ставнями на окнах; лежал на подоконнике кот, улыбающийся своим звездам; под бревенчатым заезженным мостом бежала чистая вода и лунный свет поблескивающей, долгой стежкой поигрывал на мелком галечном дне. Где-то за далекими сопками серой дымкой задрезало утро, но до появления солнца было еще далеко и землю подхолаживало осенней, прелуденной изморозью.

* * *

Вениамин Петрович проснулся, глянул на часы: без четверти три. Спал-то он, оказывается, всего-ничего- меньше получаса.

До слуха ясно донесся протяжный вой. «Никак не устанет, серая...» - только подумал Вениамин Петрович, как голос волчицы преломился и захрипел. Кот открыл глаз, привстал, глянув на Вениамина Петровича мяукнул и выпрыгнул в темень.

Поднявшись с кровати Вениамин Петрович подошел к окну, выглянул на улицу и увидел как кот спрыгнув с забора побежал к излучине речки. «Мизантроп на яму свою подался, – догадался Вениамин Петрович, - Верный знак: горняшка- тартахаиха на подходе...»

Массивные, проблескивающие колонны воздуха от озера шагнули высоко за сопки. Устанавливался штиль; колени и локти Вениамина Петровича сразу, как по чьей отмашке, заныли...

Ровная, вытянутая гряда кучевых облаков, висевшая над горным хребтом, слегка подвинулась вниз и расслаиваясь стала заполнять падь белым, тучным туманом, медленно подступать к берегу.

Приклоняясь пред светоносным озером, всем существом своим обязанная, тартахайха приглашала его на танец стихий. Вот она своим первым порывом нешумно пролетела над гладью его воды и нежно, как в реверансе, прикоснувшись подхватила и понесла веерами его водоносную пыль – лестную, уклончивую реплику озера. Уже второй – почтительный, но более настойчивый – порыв тартахайхи явил ответ озера широкими и долгими полосами ряби, как знак-согласие на танец. И предвзято торжество стихий наступила тикающая тишина, озвучившая в лучах озера его первый, по вертикали высокий, аккорд из покачиваемых в унисоне верхней глади и нежно шелестящих в глубине течений.

Вызов принят: вот-вот они закружат свою джигу! Приозерье замирало в предвкушении танцевальной феерии.

Птицы бросились в свои закутки; сотни более предусмотрительных – серые скворцы и белые трясогузки – уже давно притаились под корнями могучих реликтовых тополей на островке, перед самым устьем; монгольская жаба зарылась в рыхлую землю среди фиалок и кровавых ирисов, зверь перебрался за склоны засыхающих маряи; приготовилась волчица...

Наступающий покой у озера нарушило громыхнувшее дулетом ружье. Вслед расстрельному раскату гортанно крикнул черный удод, свистнул мохнатый сыч предупредив летевшего балобана, который сразу отбросил суслика в ручей, и все замерло в гнетущем безмолвии. Но – так, совсем ненадолго.

Вениамин Петрович, услышав выстрел, не раздумывая одел куртку-штормовку, вышел из дома и опираясь на палку направился в сторону опушки леса, к кедровнику, куда приходила волчица.

Охочий до рыбалки кот, тем временем, добрался до отмели перед глубокой ямой, куда в предчувствии урагана вот-вот устремится рыба. Удобно примостившись у бегущей воды, перед перекатом, кот затаился за стволом лиственницы-топляка, отшлифованным водой и ветрами. Уставившись глазом в одну галечную точку кот стал терпеливо ждать. Когда рыбешка начнет перекатываться через отмель, он ловко подцепит когтями и выхватит из рыбного строя нужную ему особь. И если так подфартит, то Мизантроп возьмет на съедение только двух-трех ельчиков. В отсутствие последних и присутствии рыбы покрупнее кот просто и увлеченно позабавится: играючи и не царапая будет поочередно, будто считает, трогать лапами спины шарахающихся, выпрыгивающих из воды харюзков или ленков.

В этот раз коту снова повезло: через несколько минут тихой засады в отблеске лунной дорожки на воде он прихватил нужную рыбешку. И только отнес ее подальше от воды как глухой рокот сотряс сопки озера, загрохотала небесная канонада и слетев с хребта тартахай-ветрище ворвался в приустьевую долину.

Озеро сменив цвет лучей ухватило за шквал ветра, притянуло к себе и под собственный аккомпанемент стало раскачиваться, ускоряя темп запустило валы волн, заревело в неистовом плясе.

Задрожала земля, и все над ней и повдоль закрутилось, понеслось и завывало; дрожали кровля и бревна, вода в колодцах, пес забившийся в конуру, старушка, прижавшаяся к печке, неумело крестясь до теменной косточки дрожал и парторг из района.

Встряхнувшись от векового бдения содрогалась до самой подклети рубленая в прямую лапу изба с посохшими венцами, – с присвистом скрипела и угрюмо ухала будто озвучивая проникшую преисподнюю; распахнутые створки ставень чечеткой обивали оконные рамы, где-то уже выбило стекло и выхваченные занавески парусками ускользнули в верхнюю темень; следом сорванный вместе с курой деревянный сливень крутанувшись вонзился в огромный

стог, протряс его, развалил шесты и без остатка расшвырял сено по всему околотку; дощатую плоскодонку умыкнуло от причала и понесло в озеро, не равными, высокими и белесыми волнами уже крутившему свои яро ритмичные па в танцевальном круговороте.

В этой буйной, поглощающей пространство какофонии жалок и презрен был человек. Чудный ор и акапельный тон сплотившихся стихий проникал в его самое нутро, и всюду заправлял там. Тронутый от неудержимого экстаза первозданной дикой песни человек таращился в эпилептическую ночь; глаза его – впадина трепета, казалось, вот-вот сорвутся и жидко выплунутся вон; цепеневший разум становился беспомощным сгустком, заключенным в безропотной покорности всеобщему крику.

Укрывшись за кедром Вениамин Петрович мог наблюдать Михейчика. Неравнозначно и боязливо воспринимая происходящее он никак не решался выйти и показаться ему.

Сжимая в руках лопату Михейчик неподвижно сидел у холмика свежескопанной земли, перед елью. Рядом валялось ружье с разбитым прикладом и без цевья; чуть повыше его головы, в серой коре, различались два бурых пятна с белым лубом посерединке, от сильного удара.

Выходя из-за дерева Вениамин Петрович поскользнулся на толстой, выпертой из земли корневой шейке, и не удержавшись упал на мягкий лишайник, попытался подняться, но не смог. Прислонившись к стволу кедра Вениамин Петрович сел напротив Михейчика, не отреагировавшего на шум его появления.

Боясь смотреть Михейчику в глаза Вениамин Петрович уперся взглядом в его переносицу, различая на ней кривой перелом и маленькую, как черный прыщик, родинку на носу. Но убедительный внутренний позыв стал разводить взор Вениамина Петровича в стороны, как магнитом притягивая выше. Он поднял глаза – и в глубь его души заглянул теребящий ужас убогого, ничтожно одинокого, заново состарившегося человека.

Что-то вроде обыкновенного сочувствия испытал Вениамин Петрович, но в следующее мгновение осознал внезапную близость с этим человеком. Будто все эти годы встречая одни восходы и те же провожая закаты, беря из того же колодца лучезарную воду, отламывая хлеб от краюхи одного помола и той же выпечки, по-разному пройдя через прошлое, но выручив себе схожее настоящее, – пополам делил с ним все невзгоды.

Вениамин Петрович смотрел на Михейчика уже без толики отвращения или осуждения, более не смущаемый его лицом, передернутым в гримасу безысходнейшего отчаяния.

И Михейчик вдруг, напоследок, узрел соседа: от кошмара распеленавшимися глазами стал не отрешенно, внимательно вглядываться в Вениамина Петровича, и некая ехидная ухмылка отразилась в этом взгляде.

Вениамин Петрович отвел глаза и коротко бормотнул, будто выдохнув сдерживаемый в легких воздух. Опершись он с трудом поднялся и, скованно развернувшись, походкой уставшего от жизненных впечатлений человека побрел по чернотропу вниз.

Спустившись к речке Вениамин Петрович оглянулся в сторону леса и подумал: «Не слышать мне больше волков...». Эта мысль чуть опередила сменившийся порыв ветра, всколыхнувший кроны деревьев, поднявший и жалостным хоромом вскруживший им же сорванные недавно листья..- «..в саду каждый листик лучистый улыбался, как маленький бог...».

Тартахаиха расставалась с Озером. Постановивая подголоском прибылого зверя, не заходя в распадки, она нешумно промчалась вдоль берега забавно подбрасывая мелкую гальку и трогательно, дуновением соприкасясь с озером, играла в его улыбающихся лучах.

* * *

Вениамин Петрович умер в прохладный, безветренный вечер. Уже отходя он услышал как по-дурному взвыла соседская собака, но не догадался, полагая что смерть его придет позже, и на восходе.

С утра он еще сходил на почту, где работала Аня, иногда приносящая ему свежесдоенное молоко. Он положил перед ней на стол увесистый сверток и попросил пересчитать содержимое.

Затем подал Ане листок с адресом назначения, сказав что расчет за перевод надо вычесть из общей суммы.

Подождав когда все было оформлено, он достал из кармана конверт и тоже протянул Ане, как-то виновато промолвив:

- Это, Аня, - вам с теткой Марусей, и мужикам – там все.. – и чуть помолчав, сглатывая подступивший к горлу комок, добавил, - Плох я...чувствую.. так что вы ко мне зайдите через два дня, не по себе.. так- одному...

Тут лицо Вениамина Петровича сморщилось, и он не слушая откровенные уверения Ани в том , что еще далеко не время, и что он это зря надумал, не видя чистых слез накапливающихся в ее глазах, побыстрее вышел.

До вечера он сидел у остывшей печи и в открытое окно наблюдал проплывавшие по небу облака, думая о чем-то своем, оставшемся. Мыслей своих не отмечал, не тревожимый более ни воспоминаниями ни призрачно-зеркальными видениями прошлого. Жизнь он свою прождал согласным, и все , что в ней случилось и состоялось сейчас было обыкновением явления памяти. И не о чем было более сожалеть, незачем надеяться, нечего и некого вспоминать. .

Солнце еще не ушло за сопку Кривоватого мыса, когда на окно заскочил кот с зажатым в зубах хвостом цельного хариуса. Спрыгнув в дом и не выпуская рыбешку он подбежал к Вениамину Петровичу и как натасканный спаниель бросил хариуса к его ногам.

Ты это что, Мизантропушка? Нежели заботишься обо мне ?! Или хочешь поиграть ? Что-что? Ты принес мне еду в дорогу? В какую-такую дорогу?! В которой нет остановок?! Я понял «куда», Мизантрон!!! - Да, именно так: где все мерится по-другому...

Приятная истома в теле одновременно с нежно-шероховатыми прикосновениями подергивающейся оконечности кота было тем последним, что ощутил Вениамин Петрович; радостные лица по-разному и добротнo одетых детей, читающих красивые книги о сияющих озерах, – последним, что ему представилось, а крайний миг закатного солнца в поглощающих лучах абсолютного света – последним что он *здесь* видел..

Вот , так и вышло, что тетка Маруся рано утром следующего дня вошедшая в дом Вениамина Петровича, выпустив на улицу взъерошенного кота-уродца, пожелала доброго дня мертвому старику с застывшей на устах угрюмой улыбкой.

А день , действительно, был добрым - с пригожей погодой. Небо над превосходным озером и застывшей в гармонии разноцветья тайгой было ясным, иней на жухнувших травах исчез раньше обычного, петухи с восходом горланили с жердей не ежась и не выдыхая парок, а собравшиеся улетать птицы задержались и звучными голосами пели отходную лету и перед долгой дорогой восхваляли такую осень.

В этот же день худое, вытянутое тело Вениамина Петровича омыли, достойно приодели и уложили в длинный, из нетолстой листовничной доски, ящик с крышкой.

В последующий полдень скромная, неуклюжая процессия унесла ящик на утлое деревенское кладбище, где без церемоний опустила в приготовленную для Вениамина извечную постель. Поверх заполненной могильной ямы поставили деревянный, синим окрашенный памятник-шпиль с фотографией и именем, небольшой красной звездой на верхушке. Оградку должны были привести через неделю и погребение было не долгим. Старушки тихонько и коротко взголоснули, постояли перешептываясь, и затем все, кроме деда с маленькой родинкой на носу, пошли справить поминальную.

Утрамбовав землю поверх могилы Михейчик вынул из кармана старую фляжку с выбитой на немецком языке надписью. По-местному (по сторонам света) побрызгав содержимым фляжки и затем чуть поморщась прихлебнув из горлышка он хрипло молвил:

- Добра так памерці ..Зямля знізу ужо падмерзла, та і зіма ужо скоро прыйдзе, ня праквасіцца...

* * *

Недалеко от погоста, прислонившись к несурзному чучелу на заброшенной совхозной деляне, сидел воодушевленный кот. Широко раскрытым одним глазом и прищуренным под шрамом другим он созерцал оставшуюся половину света. И отчетливо видел как вода из лучезарного озера мириадами прозрачайших капель поднимается ввысь, как обнявшись с пылью серебряных небес затем превращается в прекрасные кристаллики, которые соткавшись в ярко белые полотна становились дивными облаками с блестящими куполами. Кот видел сияние внутри этих облаков, и восторженно наблюдал как они испускают искрящийся снежный пух в тяготеющий к земле полет.

Первый, пришлый издалека снег в этот день был нескончаем: небо в лилейном цвете вдруг рассыпалось и вываливаясь из вселенной деликатно стремилось прижаться к Земле и Озеру.

Вода возвращалась к материнскому лону. Ее снежинковые, пронизанные высью капли планировали к земле, оглаживали ее и вникнув исчезали, тут же вновь являлись; живо приплясывали на глади Озера и просяив растворялись в его лучах: уступая вновь прибывшим они менялись в другом свете и безудержно утопали до поры очередного взлета...

БЕЗ КОНЦА...

Алексей Никифоров, Байкал, 1988 г.